

УРОКИ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СЛАВЯНСКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

П.М. АРКАДЬЕВ (ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН, МОСКВА)

Предварительные замечания¹

Аспектология является одной из наиболее активно развивающихся областей славянского языкознания. Тем не менее, типологическое изучение славянского вида, ставящее своей целью его сопоставление с материалом языков с близкими или, напротив, радикально отличными аспектуальными системами, находится скорее в начальной стадии (см. такие работы, как [Маслов 1978, 1984; Dahl 1985; Dahl (ed.) 2000; Плунгян 1997; Черткова (ред.) 1998]). Такое изучение, однако, представляется совершенно необходимым, причём не только для выявления типологически нетривиальных черт славянского вида, но и с целью уточнения системы понятий, используемых в славянской аспектологии, и прояснения спорных вопросов в этой области.

В данной статье я бы хотел показать, какие результаты может дать рассмотрение особенностей славянского вида *sub specie* типологически очень близкой системы литовского языка (ср. [Вимер 2001]).

Несмотря на то, что в литовском языке можно выделить фрагмент глагольной системы, обнаруживающий значительные черты сходства с категорией вида в славянских языках (в частности, в русском языке) как на уровне содержательных функционально-семантических противопоставлений, так и на уровне их формального выражения, глагольные системы литовского языка, с одной стороны, и славянских языков, с другой, отличаются по ряду важных параметров, в первую очередь касающихся степени грамматикализованности аспектуальной семантики и интегрированности аспектуально релевантных морфосинтаксических явлений в глагольную систему. В свете этого систематическое сопоставление литовской и славянской аспектуальных систем (с очевидной оговоркой о том, что видовые категории разных славянских языков отличаются друг от друга и не могут быть отождествлены) позволяет пролить свет на внутреннее устройство и особенности функционирования их обеих.

---

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (П-21). Я благодарю Б. Вимера, М.В. Завьялова, А. Ионкуса, В. Купрявичюса, Р. Микульскаса, Т.М. Николаеву, Ю. Пакериса, В.А. Плунгяна, Л. Савицки, А. Хольфута и А.Б. Шлуинского за помощь, советы и замечания.

1. Общие замечания об аспектуальных системах

Типология видовых категорий и систем в языках мира весьма хорошо разработана, см. в первую очередь монографии [Dahl 1985; Smith 1997/1991; Bybee et al. 1994], сборники [Dahl (ed.) 2000; Ebert, Zuñiga (eds.) 2001] и статьи [Bybee, Dahl 1989; Плуноян 1997²]. В рамках семантической зоны аспектуальности принято разграничивать количественный аспект, квантифицирующий ситуации (см. [Храковский (ред.) 1989; Шлуинский 2006]), и линейный аспект, характеризующий ситуацию с точки зрения её внутренней структуры и протекания её во времени. В рамках последнего можно выделить две основные зоны — перфективную и имперфективную. Перфектив рассматривает ситуацию «извне», в её целостности, с учётом её внешних границ, в то время как имперфектив, напротив, выделяет «срединную фазу» ситуации и представляет её как длящуюся (ср. известное определение в монографии [Исаченко 1965: 133], ср. также [Comrie 1976]). Важно отметить, что сами по себе перфектив и имперфектив не являются атомарными значениями, но в свою очередь распадаются на целый ряд подтипов. Так, в рамках перфектива выделяются пунктив (представляющий ситуацию как точечную), комплетив (фокусирующий внимание на достижении ситуацией предела), лимитатив (обозначающий ограниченную во времени длительную ситуацию), а также, с определёнными оговорками, результатив (обозначающий результат ситуации) и перфект (обозначающий ситуацию в прошлом, релевантную для настоящего). Имперфектив включает в себя такие подзначения, как дуратив (обозначающий длящуюся фазу ситуации) и конатив (значение неудавшейся попытки совершить действие).

Аспектуальные системы могут различаться тем, какие из указанных значений в них грамматикализованы, в частности, выражаются при помощи специализированных показателей, и какие типы сочетания различных значений аспектуальной зоны в них представлены.

Другой важнейший параметр типологии аспектуальных систем связан со способом выражения аспектуальных значений. То, что характер формального воплощения грамматических значений может быть связан с их функциональным содержанием, стало окончательно ясно с развитием теории грамматикализации (см. [Lehmann 1995/1982; Heine et al. 1991; Hopper, Traugott 1993]), главный тезис которой заключается в том, что лексический источник грамматической единицы предопределяет путь её

---

² Дальнейшее изложение в этом разделе в основном следует данной статье.

грамматикализации и, тем самым, её семантику и функционирование в грамматической системе (см. [Bybee et al. 1994: 12, 15–16]).

Для нашего рассмотрения наибольшую значимость имеет выделенное в работах [Bybee, Dahl 1989; Bybee et al. 87–90] противопоставление перфективов, возникающих из перфекта (*anterior-based perfectives*, далее АВР) и перфективов, возникающих из сочетаний глаголов в «ограничителях» (*bounder-based perfectives*, далее ВВР). Примером первых могут послужить такие формы, как латинский перфект, общеславянский аорист, *Passé composé* во французском языке, вторых — славянский совершенный вид.

Эта дихотомия проявляется в следующих основных признаках. Во-первых, АВР, как правило, морфологически существенно более регулярен, чем ВВР; в частности, при ВВР обычно не все глаголы способны сочетаться с «ограничителями», разные глаголы сочетаются с разными «ограничителями», а правила, регулирующие эту сочетаемость, могут быть весьма сложными и нередко словарно заданными. Во-вторых, АВР обычно выражают перфектив «в чистом виде», т.е. обозначают ограниченную во времени ситуацию без указания на то, достигла ли она предела; это позволяет перфективам такого рода свободно сочетаться практически с любыми аспектуальными классами глаголов, включая неопределённые процессы и состояния. Напротив, для ВВР простой ограниченности во времени недостаточно, они выражают также достижение ситуацией предела, в связи с чем такой перфектив наиболее продуктивно образуется лишь от предельных глаголов, а с неопределёнными глаголами либо не сочетается вовсе, либо такие сочетания получают нестандартные интерпретации. В-третьих, АВР, как правило, встраиваются в систему временных форм и морфологически сочетаются лишь с прошедшим временем. ВВР в этом смысле менее ограничены и могут сочетаться, в принципе, с любыми временными формами.

Важным свидетельством различия двух типов перфектива является возможность их сосуществования в рамках одной системы, ср. болгарский язык [Маслов 1984], где представлены как совершенный и несовершенный виды в обычном понимании этих терминов в славистике, так и противопоставление аориста и имперфекта в системе прошедшего времени.

2. Характерные особенности славянского вида

Категория вида славянского типа является типичным представителем системы с противопоставлением перфектива (совершенного вида, СВ), основанного на ограничителях, и имперфектива (несовершенного вида, НСВ) двух типов: «первичного», морфо-

логически непроизводного и мотивирующего префиксальный перфектив, и «вторичного», образованного от префиксального перфектива при помощи имперфективирующего суффикса.

Для славянских языков, несмотря на имеющиеся между ними различия, характерна весьма высокая степени грамматикализованности противопоставления СВ/НСВ, наиболее высокая в восточной части славянского ареала (включая сюда болгарский и польский языки), несколько меньшая в западной (см., в частности, [Петрухина 2000; Dickey 2000]). Она проявляется в следующих признаках.

Во-первых, принадлежность глагольной лексемы к одному из видов предопределяет устройство её парадигмы (так, в целом ряде языков лишь глаголы НСВ образуют аналитические формы будущего времени, те или иные формы причастий и т.п.) и допустимые для неё синтаксические контексты (так, лишь глаголы НСВ способны сочетаться с фазовыми глаголами). Во-вторых, употребление видов в значительной степени является грамматически детерминированным; в целом ряде контекстов вне зависимости от семантического задания говорящий лишён выбора и вынужден употребить лишь один из видов; так, в русском языке в общефактическом (экспериментальном), итеративном, узуальном (хабитуальном) значениях, а также в *praesens historicum* может быть употреблён лишь НСВ; чем больше степень грамматикализованности видового противопоставления, тем больше в языке наблюдается таких контекстов «нейтрализации» видов.

В-третьих, употребление видов, несмотря на их существенную связь с лексическим значением глаголов, в значительной степени «эмансипировано» от них: вышеперечисленными свойствами обладают все глаголы СВ resp. НСВ, независимо от их семантического класса. Наконец, ряд грамматических процессов может апеллировать к наличию у глагола «аспектуального коррелята». Помимо уже упомянутых контекстов, где вместо глагола данного вида должен выступать максимально близкий по значению глагол противоположного вида, можно указать на имеющееся в ряде языков (среди них русский) ограничение на образование вторичного имперфектива: данная форма образуется лишь от такого глагола СВ, который не является «тривиальным» видовым коррелятом некоторого первичного глагола НСВ, ср. *писать*_{НСВ} → *подписать*_{СВ} → *подписывать*_{НСВ} vs. *писать*_{НСВ} → *написать*_{СВ} → **написывать*_{НСВ}. Такого рода ограничения также свидетельствуют о высокой степени внутренней интеграции категории вида, образующей систему пар соотносительных по виду глаголов.

С семантической точки зрения славянская категория вида весьма гетерогенна, проявляя значительную вариативность, как внутри каждого конкретного языка (так называемые «частные» видовые значения), так и между языками. Тем не менее, в её рамках можно выделить довольно обширную «ядерную» зону, общую для всех славянских языков. Такого рода «центром» категории вида является бинарное противопоставление глаголов, обозначающих процессы с внутренним пределом (действия по Е.В. Падучевой [Падучева 2004] или *accomplishments* по З. Вендлеру [Vendler 1967]): формы НСВ (*писать, строить, гнить*) обозначают процесс в развитии, а формы СВ (*написать, построить, сгнить*) — достижение предела, имплицированного этим процессом. Именно в рамках этого класса лексики аспектуальные системы славянских языков обнаруживают наибольшую степень общности. Функционирование видов за пределами глаголов действия можно, в принципе, рассматривать как производное по отношению к наблюдаемому в центре системы. Высокая степень грамматикализованности славянского вида проявляется, в частности, в степени генерализации семантических оппозиций, им выражаемых, и в их абстрактности (ср., например, употребление видов в неассертивных и модальных контекстах, нередко лишь опосредованно связанное с их базовыми значениями, ср. [Wiemer 2001]).

Сильная грамматикализованность видового противопоставления в славянских языках (в особенности в восточной части этого ареала) выражается, в частности, в том, что результатом обобщения этой категории на всю глагольную лексику стало определённое «смещение» её ядерного значения. Противопоставление «действия в развитии» и «достижения предела», релевантное лишь для части глагольного словаря, «уступило» в русском и в ещё большей степени в болгарском языке противопоставлению единичной целостной ситуации и множества ситуаций (ср. определение тривиальной видовой пары Е.В. Падучевой [Падучева 1996: 89])³. Именно это соотношение является наиболее общим и продуктивным, в особенности в сфере вторичной имперфективации.

Итак, категория вида в славянских языках высоко грамматикализована, что проявляется как в её семантике, так и в её морфосинтаксисе. Рассмотрим теперь типологически очень близкую систему литовского языка.

---

³ Согласно монографии [Dickey 2000], данное противопоставление следует описывать скорее в терминах определённости ~ неопределённости ситуации, обозначаемой данным употреблением формы СВ resp. НСВ.

3. Аспектуальная система литовского языка

Литовская грамматическая традиция (см. [Дамбрюнас 1962; Галнайтите 1963; Paulauskienė 1979; Амбразас (ред.) 1985, 199–202; Valeckienė 1998, 285–287], а также [Reklaitis 1980]) постулирует в литовском языке «лексико-грамматическую» категорию вида (*veikslas*) с двумя граммемами: «несовершенный вид» (*eigos veikslas*) и «совершенный вид» (*įvykio veikslas*)⁴. «Видовое» противопоставление в литовском языке обычно трактуется как лексическое (т.е. несловоизменительное; замечу, что вопрос о словоизменительном vs. словообразовательном статусе вида в славянских языках является дискуссионным, и потому непризнание «вида» в литовском словоизменительной категорией ещё не может служить прямым свидетельством его коренного отличия от славянского вида). К «несовершенному виду» относятся глаголы, форма настоящего времени которых имеет актуально-длительное значение, а форма прошедшего времени обозначает длящуюся ситуацию в прошлом (например, глагол *rašyti* ‘писать’), ср. примеры (1) и (2)⁵.

(1) a. *Jon-as raš-o laišk-q.*
 Йонас-NOM.SG писать-PRS.3 письмо-ACC.SG
 ‘Йонас пишет письмо.’

b. *Jon-as raš-ė laišk-q.*
 Йонас-NOM.SG писать-PST.3 письмо-ACC.SG
 ‘Йонас писал письмо.’

(2) a. *Aš mat-a-u Algird-q.*
 я:NOM видеть-PRS-1SG Альгирдас-ACC.SG
 ‘Я вижу Альгирдаса.’

b. *Aš mač-ia-u Algird-q.*
 я:NOM видеть-PST-2SG Альгирдас-ACC.SG
 ‘Я видел Альгирдаса.’

Как глаголы «совершенного вида» трактуются те, форма настоящего времени которых не имеет актуально-длительного значения, а употребляется лишь в хабитуальной и нарративной (*‘praesens historicum’*) функциях, а форма прошедшего времени обозначает точечные события в прошлом (например, глагол *parašyti* ‘написать’), ср. примеры (3) и (4).

⁴ Более точный перевод этих терминов, предложенный в статье [Булыгина, Синёва 2006: 115], — «процессуальный вид» и «событийный вид».

⁵ При поморфемной нотации используются следующие сокращения: ACC – аккузатив, GEN – генитив, INF – инфинитив, INS – инструменталис, NOM – номинатив, PL – множественное число, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, PRV – преверб, RFL – показатель возвратности, SG – единственное число. В тех случаях, когда при примере не указан его источник, пример получен от носителя языка.

- (3) a. *Jon-as kasdien pa-raš-o laišk-us.*
 Йонас-NOM.SG каждый.день PRV-писать-PRS.3 письмо-ACC.PL
 ‘Йонас каждый день пишет письма (те, что задумал, и до конца).’
- b. *Jon-as pa-raš-ė laišk-q.*
 Йонас-NOM.SG PRV-писать-PST.3 письмо-ACC.SG
 ‘Йонас написал письмо.’
- (4) a. *Aš pa-mat-a-u Algird-q.*
 я:NOM PRV-видеть-PRS-1SG Альгирдас-ACC.SG
 ‘[и вот] я [вдруг] вижу Альгирдаса.’
- b. *Aš pa-mač-ia-u Algird-q.*
 я:NOM PRV-видеть-PST-1SG Альгирдас-ACC.SG
 ‘Я увидел Альгирдаса.’

Также выделяется весьма обширный и гетерогенный класс «двувидовых» глаголов, форма настоящего времени которых, подобно глаголам «несовершенного вида», способна употребляться в актуально-длительном значении, а форма прошедшего времени выражает законченные ситуации, как у глаголов «совершенного вида» (например, *atidaryti* ‘открывать/открыть’), ср. пример (5).

- (5) a. *Jon-as atidar-o dur-is.*
 Йонас-NOM.SG открыть-PRS.3 дверь-ACC.PL
 ‘Йонас открывает дверь.’
- b. *Jon-as atidar-ė dur-is.*
 Йонас-NOM.SG открыть-PST.3 дверь-ACC.PL
 ‘Йонас открыл дверь.’

Литовская система во многом похожа на славянскую. В её основе лежит то же семантическое противопоставление («действие в развитии» vs. «достижение предела», ср. пару *rašyti ~ parašyti* ‘писать ~ написать’), выражаемое сходными средствами — глагольными префиксами. Следует сразу отметить, что префиксальная «перфективация» (т.е. образование глаголов, указывающих на достижение ситуацией предела) в литовском языке весьма продуктивна, и, как и в славянских языках, не ограничена лишь глаголами действия: ей подвержены также лексемы, обозначающие состояния (ср. *matyti ~ pamatyti* ‘видеть ~ увидеть’) и неопределённые процессы (ср. *rėkti ~ surėkti* ‘кричать ~ закричать’).

Наряду с превербами, образующими «перфективные» корреляты «имперфективных» глаголов, в литовском языке довольно широко представлены в изобилии имеющиеся в славянских языках «способы глагольного действия», т.е. словообразовательные модификации базовых глаголов (см. [Галнайтите 1980]). Ср., например, парадигму более или менее лексикализованных производных от глагола *rašyti* ‘писать’ [LKŽ]: *aprašyti* ‘описать’, *atrašyti* ‘отписать, ответить на письмо’, *įrašyti* ‘вписать’, *išrašyti* ‘вы-

писать (из книги); исписать (страницу); расписать (свод)', *nurašyti* 'списать', *perrašyti* 'переписать', *prirašyti* 'приписать', *surašyti* 'записать', *užrašyti* 'надписать'.

Помимо префиксальной «перфективации», в литовском языке имеется и суффиксальная: подобно тому, как в славянских языках однократные (семельфактивные) глаголы образуются при помощи суффикса *-ну-* (ср. *махать* ~ *махнуть*), в литовском языке имеются продуктивные семельфактивные суффиксы *-tel-* / *-ter-* (ср. *moti* ~ *mostelėti* 'махать ~ махнуть').

Наконец, в литовском языке имеется довольно продуктивный механизм образования «имперфективных» глаголов от «перфективных» — исходно итеративный суффикс *-inė-*, в настоящее время способный образовывать глаголы с чисто процессным значением (ср. *prisijungti* ~ *prisijunginėti* 'подключиться ~ подключаться').

Итак, в принципе, можно предположить, что литовская аспектуальная система обладает всеми основными структурно-функциональными особенностями, присущими категории вида в славянских языках. Более внимательное рассмотрение, однако, показывает, что между литовской и славянской системой имеются существенные различия (ср. также [Matthiassen 1996; Holvoet, Čižik 2004; Вимер 2001]).

4. Сопоставление литовской аспектуальной системы со славянской

Рассмотрение литовского материала в свете выделенных в предыдущем разделе параметров грамматикализации славянского вида демонстрирует, что практически ни один из них не принимает в литовском языке значений, близких к славянским языкам.

Во-первых, принадлежность литовской глагольной лексемы к одному из «видов» никак не сказывается на её парадигматике: все литовские глаголы обладают одинаковым набором форм, как синтетических, так и аналитических, как финитных, так и нефинитных (причастия, деепричастия и отглагольные имена); не наблюдается и связанных с «видом» ограничений на образование пассивных конструкций. Во-вторых, в литовском языке нет и строгого запрета на сочетаемость «перфективных» глаголов с фазовыми матричными предикатами, ср. пример (6) из монографии [Dambriūnas 1960: 94] и (7) из [LKŽ]:

(6) *Ir policij-a ém-é j-uos ĭ vakar-a pa-leis-ti.*
и полиция-NOM.SG начать-PST.3 он-ACC.PL в вечер-ACC.SG PRV-пускать-INF
'И полиция начала отпускать (букв. «отпустить») их по вечерам.'

(7) *Ryt-ais praded-a pa-šal-ti.*
утро-INS.PL начать-PRS.3 PRV-холодать-INF
'По утрам начинает холодать (букв. «похолодать»).'

В третьих, употребление глаголов «совершенного» и «несовершенного» «видов» в литовском языке в гораздо меньшей степени подвержено собственно грамматическим ограничениям и в большей степени мотивировано семантически, нежели функционирование видов в русском или других славянских языках. Глаголы типа *rašyti* ‘писать’ обозначают процесс, имеющий внутренний предел, однако оставляют последний «за кадром»; глаголы типа *parašyti* ‘написать’, напротив, обозначают достижение этого предела. Соответствующие компоненты значения литовских глаголов сохраняются во всех их употреблениях и не могут быть «подавлены» или нейтрализованы контекстом. В частности, в контексте «настоящего исторического», где в русском языке в значении однократного события может выступать лишь глагол НСВ, в литовском языке может быть употреблён лишь «перфективный» глагол, ср. следующий пример [Sawicky 2000: 138]:

- (8) *Dėd-ė* *Luk-as* *nu-kand-a* *papiros-o* *gilz-ės*
 дядя-NOM.SG Лукас-NOM.SG PRV-кусать-PRS.3 папироса-GEN.SG гильза-GEN.SG
gal-ą, *iš-spjaun-a* *ir už-si-deg-a* *gražiai* *perskelt-u*
 кончик-ACC.SG PRV-плевать-PRS.3 и PRV-RFL-жечь-PRS.3 красиво расколотый-INS.SG
degtuk-u.
 спичка-INS.SG
 ‘Дядя Лукас надкусывает кончик папиросы, выплёвывает <его> и зажигает <его> себе расщеплённой спичкой.’

Аналогичным образом, в контекстах, описывающих многократные ситуации, каждая из которых достигла своего предела, в литовском языке могут быть употреблены лишь «перфективные» глаголы, ср. пример (9):

- (9) *Sekretori-us* *kasdien* *per dvi* *valand-as* *pa-raš-o* ||
 секретарь-NOM.SG каждый.день за два(ACC.PL) час-ACC.PL PRV-писать-PRS.3
 *raš-o *tr-is* *laišk-us* *ir iš-ei-na.*
 писать-PRS.3 три-ACC.PL письмо-ACC.PL и PRV-идти-PRS.3
 ‘Секретарь каждый день пишет (букв. напишет) за два часа три письма и уходит.’

Таким образом, «видовое» противопоставление в литовском языке никогда не нейтрализуется, а само употребление «видов» в этом языке, как подробно показано в работах [Вимер 2001, 2004], диктуется скорее семантическими (подчас значительно лексикализованными), нежели чисто грамматическими факторами.

Итак, оппозиция «перфективных» и «имперфективных» глаголов в литовском языке содержательно не тождественна соответствующей оппозиции в славянских языках (точнее, в восточнославянских языках; сходства между литовской и западнославянской — чешской и словацкой — системами более значительны, хотя и здесь не приходится говорить о «тождестве» или «изоморфизме») даже в «ядерной» её области — у

глаголов ингерентно предельного действия. Помимо этого, статус так называемых «двувидовых» глаголов в литовском языке совсем не таков, как в славянских языках. Если в русском языке двувидовые глаголы в основном находятся на периферии системы и под давлением основной массы глагольной лексики постепенно «разделяются» на стандартные видовые пары (ср. исходно двувидовые глаголы *организовать*, который в контекстах НСВ всё более вытесняется имперфективом *организовывать*, или *информировать*, у которого в современном узусе есть СВ-коррелят *проинформировать*; см. подробнее [Чанг 1997]), то в литовском языке положение существенно иное. Во-первых, «двувидовые» глаголы (т.е., напомним, глаголы, допускающие, с одной стороны, актуально-длительное значение презенса, и, с другой, — терминативное значение претерита) в литовском языке не могут быть охарактеризованы как периферийное явление. Среди «двувидовых» глаголов немало лексем, относящихся к центру глагольного словаря, в частности, *duoti* ‘дать’, *padėti* ‘помочь’, префиксальные глаголы движения (*ateiti* ‘прийти’, *parbėgti* ‘прибежать назад’ и т.п.), некоторые типы «способов глагольного действия». Во-вторых, тенденция встраивать такие глаголы в бинарную оппозицию «видов» в литовском языке, хотя и не может быть подвергнута сомнению, является существенно более слабой, чем в русском языке. Литовские «двувидовые» глаголы, таким образом, представляют собой довольно устойчивый класс, полноправно сосуществующий с «перфективными» и «имперфективными» глаголами.

Наконец, выше было отмечено, что в литовском языке имеется «имперфективирующая» деривация, способная образовывать «вторичные имперфективы» от префиксальных «перфективных» глаголов. Как показано ещё в работе [Галнайтите 1966]⁶, литовский «имперфективирующий» суффикс *-inė-* обладает характеристиками, существенно отличными от показателей вторичного имперфектива в славянских языках. Во-первых, в отличие от славянских языков (в особенности русского), в литовском языке нет ограничений на сочетаемость этого показателя с различными классами глаголов: суффикс *-inė-* равным образом присоединяется как к базовым «имперфективным» глаголам (ср. *rašyti* ‘писать’ → *rašinėti* ‘часто писать’, букв. *писывать), так и к префиксальным «перфективным» глаголам, независимо от семантического вклада префикса (ср. *parašyti* ‘написать’ → *parašinėti* ‘часто писать до конца’, букв. *написывать; *perrašyti* ‘переписать’ → *perrašinėti* ‘переписывать’). С другой стороны, образование таких производных подвержено разнообразным, большей частью лексическим ограничениям

⁶ Ср. также диалектные данные, приведённые в недавней статье [Wiemer, Kardelis 2002].

и не является полностью продуктивным, а их функционирование (по крайней мере, в литературном языке) далеко не столь широко, как употребление их славянских соответствий.

5. Обсуждение

Итак, несмотря на то, что литовская и славянская аспектуальные системы обнаруживают, на первый взгляд, весьма значительные черты сходства, их соотношение далеко от изоморфизма. Типологическое родство литовской и славянской систем проявляется на уровне базовых структурно-функциональных противопоставлений. Действительно, для литовского языка, как и для славянских, высокой релевантностью обладает семантическое противопоставление ситуаций, не имеющих внутреннего предела, и ситуаций, такой предел имеющих, равно как и противопоставление процессуальной и событийной фаз комплексных (ингерентно предельных) ситуаций. И в славянских языках, и в литовском имеются схожие формальные средства выразить эти противопоставления, причём в обоих случаях наиболее последовательно и единообразно эти средства употребляются в контекстах с максимальной степенью семантической мотивированности и «прозрачности». Наиболее отчётливо противопоставление видов в славянских языках и «видов» в литовском языке наблюдается при обозначении ситуаций, рассматриваемых в развитии, и, напротив, ситуаций, достигших своего внутреннего предела. Эти контексты являются для аспектуальных систем данного ареала (и для аспектуальных систем вообще) прототипическими и «сильными» (ср. [Маслов 1984: 72–75; Князев 2004]), однако именно эти контексты, в силу высокой степени их семантической мотивированности, наименее показательны при выяснении степени грамматикализованности видовых категорий.

Подобие между славянскими и литовской аспектуальными системами если и не исчезает, то становится существенно более слабым при переходе от «ядерных» контекстов к более «периферийным». Даже поверхностное исследование литовской глагольной системы демонстрирует, что в её основе лежат не столько абстрактные бинарные противопоставления, такие как «целостность ~ нецелостность» или «терминативность ~ не терминативность», постулируемые для отдельных славянских языков, сколько более дробная и в существенной степени лексикализованная таксономическая (акциональная) классификация ситуаций (подробнее см. [Аркадьев в печати]). Если в славянских языках над акциональной классификацией ситуаций «надстроена» бинарная система видов, во многом предопределяющая морфосинтаксические и семантические свойства

лексем независимо от того, какой тип ситуаций они обозначают, то поведение литовских глаголов может быть охарактеризовано без учёта того, к какому из двух (а точнее, трёх, учитывая «двувидовые» глаголы) традиционно постулируемых «видов» они относятся. Это связано с тем, что в литовском языке принадлежность глагола к одному из «видов» полностью определяется его акциональной характеристикой. Более того, акциональная классификация глаголов в литовском языке имеет большую предсказательную силу, нежели деление их на «виды» — бинарная (или тернарная) классификация оказывается, с одной стороны, неспособна отразить ряд релевантных различий между глаголами разных таксономических категорий, а, с другой стороны, практически лишена независимой предсказательной силы ввиду отсутствия у литовских «видов» скольконибудь чётких морфосинтаксических коррелятов.

Таким образом, мы приходим к во многом парадоксальному выводу: славянские языки разделяют с литовским базовые, «ядерные» функциональные свойства аспектуальных систем, однако сами эти свойства оказываются почти нерелевантными для придания видовому противопоставлению грамматического статуса. То, что делает славянский вид грамматической категорией, лежит, как выясняется, скорее на «периферии». Данный вывод, однако, парадоксален лишь на первый взгляд. Лексико-семантическое противопоставление становится грамматическим лишь в том случае, когда оно делается в большой степени абстрактным и приобретает характер всеобщности, распространяясь на контексты, далёкие от ядра категории и лишённые прямой семантической мотивации. Именно в таких контекстах обязательность употребления того или иного значения категории диктуется уже не семантикой (например, условиями истинности высказывания), но тонкими дискурсивными факторами и частично или полностью утратившими мотивацию языковыми конвенциями. Точно так же, грамматический характер противопоставления, по своей природе лексического (а именно такова, по крайней мере, в диахронии, природа славянского вида, см. хотя бы [Маслов 1961]), проявляется в наличии у значений категории морфосинтаксических или тем более чисто морфологических «последствий», в том, какие формальные ограничения накладывает то или иное значение категории на охарактеризованные ей глаголы. Именно тот факт, что славянские языки, как было отмечено в п. 2, демонстрируют конвенционализированные и «эмансипированные» от значения ограничения, связанные с видом, причём ограничения как синтаксического, так и морфологического свойства, делает славянский вид грамматической категорией *sensu stricto*.

Литература

Амбразас (ред.) 1985 — В. Амбразас (ред.). Грамматика литовского языка. Вильнюс: «Мокслас», 1985.

Аркадьев (в печати) — П.М. Аркадьев. Теория акциональности и литовский глагол // В печати в сб. *Балто-славянские исследования – XVIII*.

Булыгина, Синёва 2006 — Т.В. Булыгина, О.В. Синёва. Литовский язык // В.Н. Топоров и др. (ред.), *Языки мира. Балтийские языки*. М.: «Academia», 93–155.

Вимер 2001 — Б. Вимер (2001). Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов // *Вопросы языкознания*, 2, 26–58.

Вимер 2004 — Б. Вимер (2004). Таксис и коинциденция в зависимых предикациях: литовские причастия на *-damas* // В.С. Храковский, А.Л. Мальчуков, С.Ю. Дмитренко (ред.), *40 лет Санкт-Петербургской типологической школе*. Москва: «Знак», 53–73.

Галнайтите 1963 — Э. Галнайтите. Особенности категории вида глаголов в литовском языке (в сопоставлении с русским языком) // *Kalbotyra*, 7, 123–144.

Галнайтите 1966 — Э. Галнайтите. К вопросу об имперфективации глаголов в литовском языке // *Baltistica*, 2/2, 147–158.

Галнайтите 1980 — Э. Галнайтите. К проблеме способов глагольного действия в русской и литовской аспектологии // *Kalbotyra*, 30/2, 7–22.

Дамбрюнас 1962 — Л. Дамбрюнас. Глагольные виды в литовском языке // Ю.С. Маслов (ред.), *Вопросы глагольного вида*. М., 1962.

Исаченко 1965 — А.В. Исаченко. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология*. Т. II. Братислава: Изд-во Словацкой Академии Наук.

Князев 2004 — Ю.П. Князев. Сильные и слабые позиции видового противопоставления // М.Ю. Черткова (ред.), *Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ*. Т. 4. М.: МГУ, 108–118.

Маслов 1961 — Ю.С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Маслов 2004: 445–477. (1-е изд. в кн. *Исследования по славянскому языкознанию*. М., 1961)

Маслов 1978 — Ю.С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии // Маслов 2004: 305–364. (1-е изд. в кн. Ю.С. Маслов (ред.), *Вопросы сопоставительной аспектологии*. Л.: ЛГУ, 4–44)

Маслов 1984 — Ю.С. Маслов. *Очерки по аспектологии* // Маслов 2004: 21–302 (1е изд. Л.: ЛГУ, 1984)

Маслов 2004 — Ю.С. Маслов *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание* / Сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян. М.: «Языки славянской культуры».

Падучева 1996 — Е.В. Падучева. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва: «Языки русской культуры».

Падучева 2004 — Е.В. Падучева. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: «Языки славянской культуры».

Петрухина 2000 — Е.В. Петрухина. *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. М.: МГУ.

Плунгян 1997 — В.А. Плунгян. Вид и типология глагольных систем // М.Ю. Черткова (ред.). *Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ*. Т. I. М.: МГУ, 173–190.

Храковский 1989 — В.С. Храковский (ред.). *Типология итеративных конструкций*. Ленинград: «Наука».

Чанг 1997 — П.-Ч. Чанг. Системны или маргинальны двувидовые глаголы в современном русском языке? // М.Ю. Черткова (ред.). *Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ*. Т. 3. М.: МГУ, 197–210.

Черткова (ред.) 1998 — М.Ю. Черткова (ред.) (1998). *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*. Москва: «Языки русской культуры».

Шлуинский 2006 — А.Б. Шлуинский (2006). К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // *Вопросы языкознания*, 1, 46–75.

Bybee, Dahl 1989 — J.L. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language*, 13/1, 51–103.

Bybee et al. 1994 — J.L. Bybee, R.D. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. (1985). *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.

Dahl (ed.) 2000 — Ö. Dahl (ed.) (2000). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. (EUROTYP, Vol. 6). Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Dambriūnas 1960 — L. Dambriūnas. *Lietuvių kalbos veiksmažodžių aspektai*. Boston: Lietuvių enciklopedijos spaustuvė.

Dickey 2000 — S. Dickey. *Parameters of Slavic Aspect (A Cognitive Approach)*. Stanford: CSLI.

Ebert, Zúñiga (eds.) (2001) — K. Ebert, F. Zúñiga (eds.), *Aktionsart and Aspectotemporalität in Non-European Languages*. Arbeiten des Seminars für Allgemeine Sprachwissenschaft, 16. Zürich.

Heine et al. 1991 — B. Heine, U. Claudi, F. Hünemeyer. *Grammaticalization. A Conceptual Framework*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Holvoet, Čižik 2004 — A. Holvoet, V. Čižik. Veikslo priešpriešos tipai // A. Holvoet, L. Semėnienė (red.), *Lietuvių kalbos gramatikos darbai, 2. Gramatinių kategorijų tyrimai*. Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla, 141–162.

Hopper, Traugott 1993 — P.J. Hopper, E.C. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lehmann 1995/1982 — Chr. Lehmann. *Thoughts on Grammaticalization*. München, Newcastle: LINCOM Europa. (1st version 1982)

LKŽ — *Lietuvių kalbos žodynas* (<http://www.lkz.lt/>).

Mathiassen 1996 — T. Mathiassen. *Tense, Mood and Aspect in Lithuanian and Latvian*. (Meddelelser av Slavisk-baltisk afdeling, Universitetet i Oslo. Nr. 75).

Paulauskienė 1979 — A. Paulauskienė. *Gramatinės lietuvių kalbos veiksmažodžio kategorijos*. Vilnius: Mokslas.

Reklaitis 1980 — J.K. Reklaitis. Aspect in the Lithuanian verb // *Journal of Baltic Studies*, 11/2, 158–171.

Sawicky 2000 — L. Sawicky. Remarks on the category of aspect in Lithuanian // *Linguistica Baltica*, 8, 133–142.

Smith (1997/1991) — C. Smith. *The Parameter of Aspect*. Dordrecht: Kluwer, 1997. (1st ed. 1991)

Valeckienė 1998 — A. Valeckienė. *Funkcinė lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius: MELI, 1998.

Vendler 1967 — Z. Vendler. Verbs and times // Z. Vendler. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 97–121.

Wiemer 2001 — B. Wiemer. Aspect choice in non-declarative and modalized utterances as extensions from assertive domains. Lexical semantics, scopes, and categorial distinc-

tions in Russian and Polish // H. Bartels, N. Strömer, E. Walusiak (Hrsg.), *Untersuchungen zur Morphologie und Syntax im Slavischen*. Oldenburg: BIS, 195–221.

Wiemer, Kardelis 2002 — B.Wiemer, V.Kardelis. Ausbildung von Aspektpaarigkeit in litauischen Grenz- und Inseldialekten (am Beispiel von Sprechverben) // *Linguistica Baltica*, 10, 51–80.